

Агния Кузнецова

ТВОЙ ДОМ

ФТМ

Агния Кузнецова (Маркова)

Твой дом

«ФТМ»

1948

Кузнецова (Маркова) А. А.

Твой дом / А. А. Кузнецова (Маркова) — «ФТМ», 1948

ISBN 978-5-4467-0206-0

«... В первый момент Вера хотела спросить старуху, почему Елена не ходит в школу, но промолчала – старуха показалась ей немой. Переглянувшись с Федей, Вера нерешительно постучала в комнату. – Войдите, – послышался голос Елены. Вера переступила порог комнаты и снова почувствовала, как в ее душе против воли поднялось прежнее чувство неприязни к Елене. Федя вошел вслед за Верой. Он запнулся о порог и упал бы, если б не ухватился за спинку стула. Елена весело рассмеялась. Вера ждала, что она удивится и будет недовольна их появлением. Но ничего подобного не случилось. Стрелова стояла посредине комнаты в черном рабочем комбинезоне, с книгой в руках. Она была еще привлекательнее, чем всегда. Смех необычайно красил ее. На бледном личике проступил румянец, глаза, обычно полуприкрытые длинными ресницами, смотрели весело. Комната, в которую вошли Вера и Федя, была совсем крошечная, с одним маленьким окном. В ней стояла полудетская кроватка, стул, небольшой стол и ящик. – Садитесь, – сказала Елена, указывая на ящик, – у меня больше нет стульев. И голос ее, и улыбка, и свет в глазах – все говорило о том, что она рада неожиданным гостям. Федя сел, а Вера продолжала стоять. Все то, что увидела она здесь, ее удивило до крайности. Елена оказалась здоровой, она не смутилась, не удивилась их появлению, а даже обрадовалась, точно ждала их. Вера совсем не такой представляла домашнюю обстановку Стреловой. И оттого, что все было не так, как ожидала Вера, она стояла в смущенной растерянности. ...»

ISBN 978-5-4467-0206-0

© Кузнецова (Маркова) А. А., 1948

© ФТМ, 1948

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Агния Кузнецова

Твой дом

Красный дом с остроконечными башнями и узкими окнами на улице Свердлова был самым старым в городе. Это чувствовалось и по готической архитектуре дома, и по древнему пережившему свой век и уже засыхающему саду, некогда густой стеной обступавшему северную часть здания.

Жители города знали, что когда-то в этом доме жил отставной генерал Керн – столетний самодур, державший псарню из 120 собак различных пород. Теперь в псарне размещался гараж, а на старом доме, внутри заново перестроенном и отделанном, сияла веселыми разноцветными лампочками надпись: «ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ».

Некогда тихая улица теперь не знала покоя. Только канавы по-прежнему летом зарастали травой и одуванчиками, а зимой доверху засыпал их снег. Смех, говор, песни замолкали поздно вечером, когда в старом доме тушились огни и визгливые проржавленные жалюзи спускались на окна.

Сегодня, в морозную зимнюю ночь, старый дом сияет огнями дольше обыкновенного, окна его подернуты причудливыми узорами, нанесенными художником-морозом. В них заглядывают прохожие и подолгу любуются нарядной, стройной елью.

Мороз крепчает. Новогоднее небо переливается сиянием далеких звезд. Величественно плывет по небу луна, и по ясному ореолу ее люди угадывают, что мороз свыше 50 градусов.

Но зачем нам стоять у окна и любоваться морозной новогодней ночью? Давайте поднимемся по асфальтовой лестнице; в великолепном вестибюле, у большого зеркала, стряхнем с воротников серебристую морозную пыль, разденемся и войдем в зал...

Глава первая

Бом – хриплым басом приветствуют новый, 1947 год старинные часы. Их заглушает оркестр. Пионерский ансамбль исполняет Гимн Советского Союза. Стройные звуки заполняют зал, проникают через окна на улицу и несутся, торжественные и тихие, в морозную ночь, к звездам.

С первыми же звуками гимна руки многих ребят по привычке взлетают вверх и мгновенно опускаются. Со смущенной усмешкой девочки и мальчики посматривают украдкой по сторонам: не заметили ли соседи этой оплошности? Салют... красные галстуки – все это прошлое. На рубашках и кофточках поблескивают у них скромные значки ВЛКСМ. И от этого душа наполняется гордостью, хотя и немного грустно.

На сцену выходит молодая женщина. Это учительница Агриппина Федоровна Фадеева. Легкой походкой, чуть улыбаясь, она подходит к самой рампе и легким движением поднимает руку, чтобы успокоить гудящий зал. Внимательными серыми глазами смотрит она на ребят и, когда наступает полная тишина, опускает руку.

– Друзья мои, поздравляю вас с Новым годом!

– С Новым годом и вас, Агриппина Федоровна! – громко кричит девушка в голубом платье, стоящая у сцены, и ее слова слышит весь зал.

Агриппина Федоровна кивает ей головой и снова поднимает руку. В зале тишина.

– Друзья мои, – говорит она, – по древнему обычаю, под Новый год пишут и высказывают пожелания. Я хочу не отступать от этого древнего обычая. Примите мои пожелания.

Родная страна, комсомол, школа – это ваш дом. Поймите до глубины, по-настоящему поймите великую силу коллектива, благородную задачу – с юных лет служить всему обществу. Тогда вы осмыслите до конца величайший смысл горьковской фразы «Человек – это звучит гордо» и, вступая в жизнь, станете людьми этого горьковского склада души.

Будьте внимательны к себе, размышляйте над поступками своими, воспитывайте в себе высокие, благородные чувства патриотизма, честности, любви к труду, уважения к человеку.

Я хочу, чтобы не было среди вас пустых девушек и юношей, которым жить нечем, кроме сущих мелочей быта: сегодня сад, завтра новое платье.

Я желаю вам отлично учиться, но не ради того, чтобы получить удовлетворение от хороших отметок, от чувства гордости. Учитесь хорошо ради знаний, которыми в будущем вы принесете большую пользу окружающим вас людям. Найдите любимое дело, отдайтесь ему всеми порывами своей юной души, пусть то будут книги, радио, общественная работа, огородничество, туризм. Найдите в этом радость не только ради личного интереса, но ради пользы, пока хотя бы только вашему молодому коллективу.

Я хочу, чтобы вы были настоящими людьми нашего времени, людьми, которые восприняли все лучшее минувших поколений, чтобы мы, педагоги, с гордостью говорили: «Это наши ученики!» Чтобы коммунисты с гордостью сказали: «Это наши комсомольцы!» И чтобы Родина наша с гордостью могла заявить о вас: «Вот они, мои славные сыны и дочери!»

– Чушь! – негромко воскликнула Стася Ночка, склонившись к своей подруге. – Размышлять над поступками своими мы будем в сорок лет, а пока будем гулять в садах и увлекаться красивыми платьями. Что в этом плохого? У самой-то вон какое платье...

Стася с завистью посмотрела на лиловое платье Агриппины Федоровны с черной бархатной розой на плече.

– И вообще, всегда она расфуфырена, – продолжала говорить Стася, обращаясь к своей подруге Вере Сверчковой. – Небось в шестнадцать лет и сама другой была, теперь-то легко критиковать...

Вера, склонив голову, рассеянно слушала и Стасю и Агриппину Федоровну, думая о чем-то своем.

Незнакомая девушка с косой до колен повернулась к Стасе и, окинув ее глубоким взглядом черных бархатных глаз, прошептала:

– Ой, как вы неправы! Она очень хорошо сказала. – И огромное движение души почувствовалось в этой фразе.

Стася ответила вызывающим взглядом и пожала плечами – дескать, чего ты вяжешься, я и не думаю разговаривать с тобой. А Вера в прежнем состоянии рассеянности не обратила внимания на черноглазую красавицу и на ее слова. Незнакомая девушка устремила взгляд на Агриппину Федоровну, с напряжением слушая каждое ее слово, но вскоре опять повернулась к Стасе и с любопытством, без тени зависти оглядела ее новое розовое платье, белые резные туфли, светлые волосы, по последней моде собранные вверху, милое, нежное личико с ясными серыми глазами.

Оркестр заиграл «Барыню». Все пришло в движение. Ребята, схватившись за руки, понеслись вокруг елки: круг малый вправо, круг большой влево, круг малый вприсядку.

– Стоп! – крикнул один из затейников.

На круг вышла зардевшаяся Стася. В руке у нее белый, в кружевах, носовой платок. В такт музыке, улыбаясь и в то же время досадуя на свое смущение, она повела плечом, широко и вольно развела руками и немного боком, плавно пошла по кругу, пристукивая каблучками. Была она в тот момент так хороша собой, с таким увлечением плясала, что взгляды всех невольно следили за ней. Ее партнер, вихрастый паренек, как только вышел на круг, покраснел, и лицо его потеряло всякое выражение. Он добросовестно выделывал ногами фортели, и руки его смешно болтались как у картонного дрыгунчика. Музыка внезапно окончилась, и Стася остановилась. Обмахивая платком возбужденное лицо и посмеиваясь каким-то своим мыслям, она побежала из зала. В дверях она столкнулась с высоким юношей в военном костюме, он посмотрел на нее пристально. Улыбка слетела со Стасиных губ, она замедлила шаг, точно хотела остановиться подле него. Но он равнодушно отвернулся. Стася поднялась по лестнице и по длинному коридору направилась в литературный кабинет. Не обращая внимания на собравшихся там членов литературного кружка, она села в удобное кожаное кресло у окна и набросила на лицо измятый платок.

Некогда в литературном кабинете была спальня генерала Керна. Большие, но узкие окна с овальным верхом выходили и на север и на восток. Посредине комнаты стоял большой круглый стол. На стенах, отделанных светло-шоколадным линкрустом, в массивных рамах висели портреты классиков: Толстого, Лермонтова, Достоевского, Пушкина, Тургенева, Крылова и Горького. У стен стояли шкафы с книгами. В кабинете было просторно и даже пусто.

Стася заметила, что у стола сидели несколько человек, но кто именно – она не разглядела. Настольная лампа с голубым опущенным на нее абажуром светила тускло. Наташа Вершинина, Вера Сверчкова и Агриппина Федоровна заметили Стасю, но ничего не сказали.

– Плачет? – спросила только Вера Сверчкова неизвестно кого.

Стася откинула платок, и все увидели, что она не плачет, а смеется.

В это время с шумом открылась дверь, и в кабинет влетел запыхавшийся Боря Чернилин, по прозвищу Непроливашка.

Был он небольшого роста, худой, узкий в плечах. По виду ему было лет четырнадцать, тогда как в действительности шел семнадцатый год.

– Вот они где! – удивленно развел руками Чернилин, хотя бежал сюда в полной уверенности, что именно здесь он найдет и Веру, и Агриппину Федоровну, и Стасю.

– Номер 10? Номер 46? – выкрикнул Боря.

– У меня! – в волнении воскликнула Стася, вскакивая и пытаясь выхватить из рук Чернилина записку.

– Подожди! – ответил он со смехом, поднимаясь на носки и вскидывая высоко над головой руку с бумажкой, потому что Стася была выше его и могла выхватить записку. – Подожди, – продолжал он, рассматривая картонный номерок, приколотый булавкой на груди Стаси, серыми, всегда как будто сонными глазами. – Ну, теперь возьми. – Он отдал письмо.

Стася схватила его и сжала в кулаке.

– Читай вслух, – сказал Непроливашка, – и цени, что я в полумраке безлюдной лестницы не установил цензуру.

– Ишь ты, хитрый какой! – недоверчиво усмехнулась Стася, комкая письмо.

– А это вам, Агриппина Федоровна, – почтительно подал ей записку Чернилин. – Тут без номера, видите? Просто «Агриппине Федоровне Фадеевой». Это уже пятое письмо.

– Можно узнать, что пишут вам? – спросила Вера.

Фадеева пробежала глазами письмо и только тогда прочитала его вслух:

– Уважаемая Агриппина Федоровна! Вы сказали свои пожелания очень хорошо. Именно этого нужно требовать от нас. Этому нужно учить нас. Обычно взрослые желают нам уже надоевшее одно и то же: хорошо учиться. А это как раз без навязчивого поучения вытекает из Ваших пожеланий. Если мы будем патриотами, честными и трудолюбивыми, мы обязательно отлично будем выполнять свою обязанность перед Родиной, перед семьей, перед самими собою – учиться так, как позволяют нам наши способности.

Я и группа моих товарищей работаем в литературном кружке детской центральной библиотеки. Нам хотелось бы встретиться с Вашим кружком.
№ 16

Агриппина Федоровна достала карандаш и в блокноте написала:

№ 16. Прошу Вас зайти сейчас в литературный кабинет. А. Фадеева.

Она вырвала письмо из блокнота и передала Чернилину.

– А меня вот ничто не увлекает, – словно продолжая прерванный разговор, задумчиво сказала Наташа Вершинина. – Я даже не знаю, какую специальность выберу. Когда вы говорили о тех, кому нечем жить, мне казалось, что вы думали обо мне.

Агриппина Федоровна внимательно смотрела на девочку.

– Ну, скажите, виновата я в этом? – продолжала та. – Я бы с удовольствием чем-нибудь увлеклась, но у меня характер какой-то очень уж спокойный, видимо, так меня воспитали, не расшевелили с детства...

– Возможно, – согласилась Агриппина Федоровна. – Только я считаю, Наташа, что энергию и любовь к делу можно развить, если серьезно взяться за это... Может быть, ты просто не присмотрелась сама к себе? По какому предмету ты лучше всего учишься?

– По всем я на тройки, – уныло махнула рукой Наташа. – Нет у меня любимых предметов, и школа, честно признаюсь вам, для меня сущеe наказание...

– Но все-таки что ты любишь? – спросила Агриппина Федоровна.

Наташа зарумянилась:

– Я люблю греблей заниматься. По озеру в лодке так приятно кататься! Плавать люблю. А в лесу как хорошо летом! Вы ночевали когда-нибудь? Тишина особенная, какая-то живая тишина. А ловить рыбу...

Агриппина Федоровна засмеялась громко и весело. Наташа еще больше покраснела и замолчала.

– Да нет же, ты не так поняла меня. Я смеюсь потому, что ты битый час на себя наговаривала, а оказывается, у тебя есть любимое занятие. – Агриппина Федоровна взяла Наташу за руку, притянула к себе и, лукаво заглядывая ей в глаза, сказала: – Я уверена, что ты выберешь себе хорошую специальность. Ведь не обязательно же всем быть учеными...

Стася воспользовалась тем, что Агриппина Федоровна, Наташа и Вета увлечены разговором и на нее не обращают внимания. Она разжала руку, расправила на ладони мятую бумажку и прочитала:

Я ничего не могу ответить сейчас на твое признание. Да вряд ли отвечу и потом. Лучше будет, если свое внимание, свою дружбу ты подарить другому. № 73.

Дверь открылась, и в комнату сначала заглянула, а потом вошла та самая девушка с косой до колен, которая в зале пыталась заговорить со Стасей.

– Вы просили меня зайти сюда, – спокойно сказала она.

Все с удивлением посмотрели на нее. Не было в ней ученической робости в разговоре со взрослыми. К Агриппине Федоровне она обратилась просто, как взрослый к взрослому.

Вслед за ней в кабинет шумно влетел Чернилин.

– № 10 раз, № 10 два, № 10 три, четыре, пять, шесть. – Он подал ворох писем Стасе. – № 46 раз, два, три, четыре, пять, всего 16.

Дружный смех девочек покрыл слова Чернилина.

Агриппина Федоровна взяла письма и отложила их в сторону. По привычке, разговаривая, она присматривалась к незнакомой девушке. От нее не укрылось, что та одета плохо: на ногах грубые башмаки и дешевые чулки, серое, совсем не праздничное платье сшито очень просто. Но одежда несколько не портила ее внешность. Она была высокого роста, стройная. Ее лицо было совершенно отличным от сотни лиц, встречаемых ежедневно, не только резким сочетанием черных глаз с русыми волосами и ярким цветом кожи – ее лицо было умным, волевым, властным.

Стася опять почувствовала неприязнь к этой девушке и тихо, стараясь не привлекать внимания окружающих, вышла из комнаты, спустилась вниз и передала Непроливашке шесть писем с ответами. Она соглашалась идти вместе домой и с номером четвертым, и с двадцать девятым, и с тридцать восьмым, и с сорок первым, и с номером седьмым.

В зале по-прежнему играл оркестр. Стася подчеркнуто спокойно прошла мимо юноши в военном костюме, стоящего в дверях зала, с № 73 на груди, потом схватила долговязого старосту кружка затейников за руки, вытащила его на середину зала и закружилась с ним, вальсируя.

Новогодний бал подходил к концу, на елке погасли огни, смолкал смех, музыканты убрали пюпитры и свертывали ноты. Стрелки круглых часов в полутемном зале показывали без четверти два. Громкий говор теперь переместился в просторный вестибюль, на крыльцо и улицу возле Дворца пионеров.

Мальчики, игравшие в почту под номерами 4, 29, 38, 41 и 7, сопровождали Стасю. У подъезда, украшенного белыми скульптурами пионерки и пионера, отдающих салют, шумная ватага ожидала Агриппину Федоровну.

Вскоре вышла и она – в беличьей шубе, в светлых чесанках и пуховой шали. Ее подхватили под руки, окружили, и вплоть до ее дома не смолкали разговоры о высоком назначении человека, о светлом будущем...

Глава вторая

Староста литературного кружка Чернилин в семь часов вечера открыл литературный кабинет и хозяйским взглядом осмотрел, все ли в порядке. Под личную ответственность он вручил ключ Вере Сверчковой и отправился в радиокабинет, наказав ей, как только будет звонок, позвать его.

– А у тебя уши золотом, что ли, завешены, – сказала Вера. – Звонок во всех кабинетах слышно.

– Займусь – и ничего не слышу. Натура у меня увлекающаяся, темпераментная... – дурачился Чернилин.

Чернилин был общим любимцем, отказать ему в чем-либо было невозможно. Вера дала честное пионерское позвать его при первом же звуке звонка, и он убежал, как всегда оживленный и всклокоченный.

Пришел юноша в военном костюме – Геннадий Сафронов, прозванный товарищами сфинксом. Эту кличку принесли из школы, и дана она была ему потому, что Сафронов был очень нелюдимый, диковатый, не понятный ни учителям, ни товарищам. Может быть, это объяснялось тем, что Сафронов рос с необычных условий. Шестилетним ребенком он потерял родителей. Его взяли на воспитание соседи Сафроновых – муж и жена. Через два года женщина, заменившая Геннадию мать, умерла, и мальчик остался жить с ее мужем – человеком молчаливым и раздражительным. Названный отец Геннадия целыми днями был на работе, месяцами находился в командировках. Над воспитанием Сафронова мудрили соседи, а по существу он был предоставлен сам себе. Он питался в общественной столовой, учился в школе, а остальное время проводил в библиотеке, без разбора поглощая книгу за книгой. Случилось так, что никто не догадался определить его в детдом, под надзор опытных воспитателей...

...Сафронов чуть приоткрыл дверь и с трудом пролез в узкую щель, точно нельзя было распахнуть ее и пройти совершенно свободно.

– Здравствуйте, – сказал он Вере сильным глуховатым голосом. Ребята утверждали, что именно такой голос был у Горького.

Он прошел в угол, сел в кресло под портретом Толстого и с увлечением начал перелистывать принесенные книги.

Широко распахнув обе половинки двери, с шумом и смехом впорхнула в кабинет Стася Ночка. Она увидела Сафронова и на мгновение умолкла, но через минуту смеялась громче прежнего, тормоша Веру. Если бы то же самое делала Вера или кто-либо из девочек, это могло раздражать присутствующих, но у Стаси, что бы она ни вытворяла, все получалось милым и уместным. Еще через минуту она так же шумно выбежала из комнаты, смех ее прозвучал на лестнице и замер в первом этаже старого дома.

Без четверти восемь Вера за руку привела Чернилина. К этому времени уже все члены литературного кружка были в сборе. Звонок еще не прозвенел, когда один за другим вошли шесть юношей и черноглазая девушка. Как по команде, пятнадцать хозяев бросились к круглому столу и заняли пятнадцать кресел. Шестнадцатое, на котором всегда сидела Агриппина Федоровна, оставалось пустым. Гости в недоумении стояли у двери. Стася Ночка пристально смотрела на девушку, которую она встречала уже на новогоднем балу. Она невольно любовалась ее свободными, мягкими движениями, ее удивительными коричневыми бровями, решительно вскинутыми вверх. Она завидовала спокойному, внимательному взгляду ее красивых глаз, ее густым ресницам, тяжелой русой косе. Она пыталась найти какие-нибудь недостатки в ее внешности, но их не было. И тогда она не без злорадства отметила про себя, что грубые ботинки уродуют стройные ноги девушки, а платье сидит на ней мешковато и смешно.

Чернилин, окинув взглядом гостей, вдруг закричал громким голосом:

– Гречневая каша!

– Гречневая каша! – пронзительно, со смехом подхватила Стася, не понимая, почему именно эти слова надо кричать, и забарабанила кулаками по столу.

– Гречневая каша! – с озорным весельем подхватили все остальные.

Крик, топот ног, стук кулаков по столу заполнили комнату и разнеслись по всему верхнему этажу.

В это время вошла Агриппина Федоровна. Она взглянула на растерянные лица незнакомых ребят, на кружковцев и все поняла. Глаза ее загорелись негодованием, она подняла руку, требуя тишины, и сразу все смолкли.

– Встаньте! – резко сказала Агриппина Федоровна.

Пятнадцать человек порывисто поднялись.

– Выйдите из-за стола.

Все беспрекословно вышли.

– Садитесь, пожалуйста, – совсем по-другому, мягко сказала Агриппина Федоровна, обращаясь к гостям. Те нерешительно расселись в кресла.

– А почему нет дополнительных стульев, Чернилин?

Боря опустил голову и чуть слышно ответил:

– Сейчас принесем.

Он рукой сделал знак товарищам, что означало – за мной!

Несколько человек вышли из комнаты и быстро стали вносить стулья.

Когда все разместились вокруг стола, Агриппина Федоровна спросила:

– Скажите, что значит этот нелепый выкрик «гречневая каша»?

Стася улыбнулась, Вера скорчила недоумевающую гримасу. Сафронов с любопытством взглянул на Чернилина. Никто, кроме Бори, не мог объяснить нелепого восклицания.

– Сами не знаете? Очень хорошо! – иронически заметила Агриппина Федоровна.

И тогда поднялся незнакомый ей юноша.

– Разрешите, Агриппина Федоровна, объяснить вам недоразумение, – сказал он и, получив утвердительный ответ, продолжал: – Гречневая каша – это я. А вообще-то я Федор Новиков.

Глаза всех присутствующих с искорками смеха и с любопытством устремились на Новикова. Он был небольшого роста, широкоплечий, курносый, с голубыми умными глазами, у него были светлые волосы, до них хотелось дотронуться руками, потому что они казались мягкими, как шелк.

– Дело в том, – продолжал Новиков, – что некогда я имел неосторожность написать рассказ под названием «Гречневая каша». С тех пор это стало моим прозвищем.

Дружный смех покрыл его слова. Засмеялась и Агриппина Федоровна. Смех этот примирил ребят, прошла напряженная неловкость, и каждый почувствовал, что теперь ничто не помешает задушевной беседе. Первой говорила староста библиотечного кружка Елена Стрелова.

Стася Ночка уже без всякой неприязни смотрела на ее тонкий профиль. Стрелова говорила спокойно и обстоятельно, по-взрослому переводила взгляд с одного слушателя на другого. Прежнюю неприязнь к ней Стася почувствовала на секунду только тогда, когда та сообщила, что кружок при библиотеке из-за отъезда руководителя распался и они, присутствующие здесь семь человек, хотели бы вступить в литературный кружок Дворца пионеров.

– Федя Новиков написал у нас очень хороший рассказ «Васюк-голубятник». Мы хотим его переслать в альманах. Если хотите, он прочтет рассказ, – закончила она свое выступление.

Взгляды всех с дружелюбным удивлением устремились на живое, привлекательное лицо Новикова. Он встал, спокойно, без тени стеснения открыл толстую тетрадь и начал читать. Рассказ был написан живо, просто, убедительно. Чернилин всеми силами своего критического

дарования пытался найти темные стороны рассказа, но ничего не придумал, развел руками и обескураженно сказал:

– Ни к чему не придерешься. Очень хорошо.

В это время, как всегда, мимолетно и тайно Стася взглянула на Сафронова и увидела, что тот с увлечением рисует в блокноте профиль Стреловой. Стася вспыхнула и опустила голову. Ее мысли прервал голос Чернилина:

– Ребята, сейчас Сафронов прочтет свою поэму.

Тот, сидя, долго перелистывал блокнот, затем спросил, ни к кому не обращаясь, стоит ли читать, и, не получив ответа, встал и глухим голосом, точно говоря в пустую бочку, начал читать стихи.

Стася нарочно шумно подошла к Агриппине Федоровне и попросила разрешения выйти. Она возвратилась, когда поэма была прочитана, и Сафронов сидел в кресле, пытаясь сделать презрительно-равнодушное лицо, чтобы присутствующие почувствовали, что его несколько не интересует их мнение. Поэма вызвала ожесточенный спор. Говорила опять Стрелова:

– Автор, по-моему, очень способный, но с поэмой его я бы советовала поступить так: прийти домой, сесть возле топящейся печки, выдрать ее из блокнота и сжечь.

Сафронов покраснел и смерил Стрелову холодным взглядом с ног до головы.

– Да вы не сердитесь на меня, Сафронов, такие случаи даже у классиков были, – продолжала она. – Вспомните хотя бы Гоголя. Новикову удался его «Васюк-голубятник» потому, что он писал о случае, который сам наблюдал. А у вас американский клуб. А что вы знаете об американских клубах? – Она села и добавила: – Вам простоты нужно побольше.

Так и не понял никто, о какой простоте сказала Стрелова: о простоте в стихах или в поведении. Но как бы то ни было, сказано было не в бровь, а в глаз. И стихам и поведению Сафронова действительно не хватало простоты. Угрюмо насупившись, он сказал:

– А мне все это – как с гуся вода.

– Очень жаль, что вы не уважаете мнение своих товарищей, – сказала Агриппина Федоровна.

Стася обиделась за Сафронова. Она не очень хорошо разбиралась в стихах, и все, что он делал, ей казалось совершенным.

Глава третья

Ученицы восьмого класса «Б» писали сочинение. У стола, устремив рассеянный взгляд в окно, сидела Агриппина Федоровна. За окном медленно падал снег. Пушистые, большие хлопья кружились в воздухе, застилая пешеходов, машины, дома. Обилие снега подчиняло себе мысли. О чем бы ни думала Агриппина Федоровна, она невольно возвращалась к снегу. Она то вспоминала сказку «Снежная королева», то ей представлялся утонувший в снегу старый сад Дворца пионеров. Она не смотрела на класс, но ученицы знали, что она все видит и все слышит.

Только на одно мгновение Агриппина Федоровна забыла о классе. Это случилось, когда мысли ее унеслись в прошлое.

Вот она стоит на укатанной горе в дубленом отцовском полушубке, в валенках. Внизу занесенные снегом дома родной деревни, где прошло ее детство, отшумела юность.

Она садится в сани. Сзади, уже на лету, со смехом валится в сани Алеша Фадеев – ее будущий муж. Полозья скрипят, ветер со смехом рвется в лицо. Крутой поворот. Алеша умело правит. Теперь самое страшное – гора круто обрывается вниз, кажется, что сани летят в пропасть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.